

“хочется уже голову поднять немножко”

Андрей Звягинцев — Газете

Андрей Звягинцев: «Я словил этот кайф — я стою на сцене, а Шон Пенн и Бенисио Дель Торо сидят в зале» Фото: AFP

Окончание. Начало на странице 01

Что вы ощутили, когда братья Тавиани произнесли со сцены фестивального дворца ваше имя как лауреата «Золотого льва»?

Сердце ухнуло. Как трудно это передать, слова найти! Сразу я увидел лица членов съемочной группы, сидящих рядом со мной, их счастливые глаза. После того как получили приз за лучший дебют, еще раз услышать со сцены «Il Ritorno» — это такое... Правда, мне предрекали награду, очень много об этом говорили, слухи даже ходили. У меня было интервью за пару дней до церемонии закрытия, совершенно чудовищное и уморительное, так там меня буквально спрашивали, что я буду делать с «Золотым львом», когда его получу. Я как такое услышал, просто потерялся.

Большее впечатление на вас произвел показ, на котором «Возвращение» встречали овацией, или все-таки церемония награждения?

Конечно, показ третьего числа очень впечатлил. Это было что-то абсолютно незабываемое, такое в жизни только раз случается — настоящее чудо! Мы сидим наверху в амфитеатре, под нами — тысячный зал, нам сверху видно всех. И вдруг они все на первом финальном титре встают, разворачиваются, смотрят на тебя — и начинается овация. Волна мощной энергии — это длится бесконечно, и не знаешь, что делать. Есть там какой-то регламент, когда специальные люди, служащие фестиваля, говорят: «Спускайтесь вниз». Мы делаем несколько шагов к публике, овация усиливается. Мы так дважды или трижды спускались. Кто-то из нашей группы засекал время по часам, минут пятнадцать это длилось. А на церемонии закрытия вроде как празднично было — и шоу хорошее устроили, и ведущий был блистательный, но мероприятие все-таки протокольное. Радость как бы индивидуализирована, зал реагирует уже не так. Правда, в основном реакция комплиментарная. Это вообще отличает западных

людей: дать аванс, заметить, приветить и похвалить. У нас так не принято. Хотя, может быть, мне так кажется, потому что я не имел такого зрительского опыта в России. Вот еще впечатление: выхожу на сцену и вижу — в шестом ряду сидит Шон Пенн, рядом с ним Робин Райт Пенн, Бенисио Дель Торо и девушка из «Малхолланд Драйв» Наоми Уоттс. Странная мизансцена. У меня был один такой опыт в жизни. Я окончил ГИТИС в девяностом году, и у нас были показы во МХАТе. Мы играли «Моцарта и Сальери», я был Сальери. Сидели Любшин, Ефремов, а еще из зала смотрел Иннокентий Смоктуновский. Я не видел Иннокентия Смоктуновского на сцене, а он меня видел! Тут я тоже словил этот кайф — я стою на сцене, а Шон Пенн и Бенисио Дель Торо сидят в зале.

Голова кружится от успеха?

Нет, нормально. Головокружения нет. Спокойно уже сидим, вспоминаем ощущения.

Думаете, успех «Возвращения» повлияет на российский кинематограф?

Конечно, хочется уже голову поднять немножко. У нас же куча талантливых людей, но они в тисках, под бременем коммерческих нужд. Их заставляют делать то, что не имеет никакого отношения к самовыражению. Может, я много на себя беру, но у меня была максимальная свобода самовыражения. Если это приносит такой успех, кто-то к этому должен прислушаться. Ведь это не только престиж, но и коммерция: фильм продан уже в пять или семь стран, в том числе в Италию и Францию. Из США Columbia сделала запрос, японцы хотят. Может быть, теперь продюсеры дадут другим людям возможность делать искусство и прекратят погоню за деньгами?

Вас сравнивают с Тарковским, дебют которого — «Иваново детство» — был награжден таким же «Золотым львом». Как вам такое сравнение?

Лестно, конечно, но и ответственность немалая. Вообще, это сравнение в цифрах и фактах — та же Венеция, только сорок лет спустя. Эти рифмы всем приходят на ум, даже итальянцам.

Каково вообще держать в руках сразу двух «Золотых львов»?

Я держу в руках этих «Львов» и чувствую их вес. Они тяжелые, и это бремя ответственности. Если бы их не было, стало бы проще жить. А сейчас передо мной все возможности, их даже слишком много. Мне Дино де Лаурентис предложил вложить деньги в мой следующий фильм. Говорит: «А то у меня деньги есть. Нет качества». Представьте, такое слушать!

Знаете уже, каким будет следующий фильм?

У меня есть идеи давно, только нет твердой уверенности ни в одном из вариантов. Есть собственная идея, авторская; не знаю, буду ли ее развивать. Есть мысль о Кортасаре. Давняя мечта — одна вещь Томаса Манна. Только текст там громоздкий, очень литературный, и как его превратить в визуальный ряд, я пока не знаю.